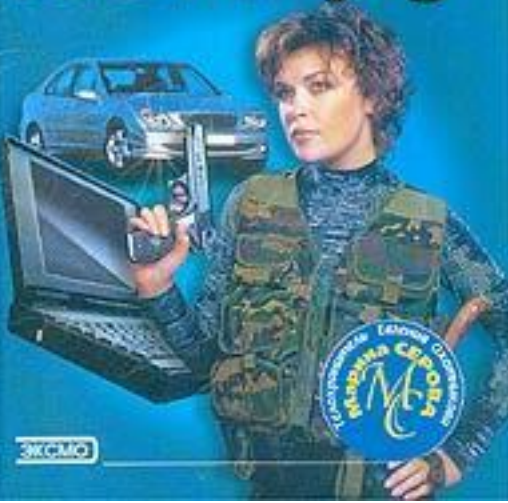

НОВАЯ ЯРКАЯ ЗВЕЗДА ДЕТЕКТИВА

Марина СЕРОВА

*Угнать
за 30 секунд*

ЭКСМО

Сериалы от
Эксмо
МАРИНА СЕРОВА
M

Телохранитель Евгения Охотникова

Марина Серова

Угнать за 30 секунд

«Научная книга»

Серова М. С.

Угнать за 30 секунд / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Телохранитель Евгения Охотникова)

Везет Жене Охотниковой на неожиданности! К ней пожаловал... брат, о существовании которого она и не подозревала! Да, сын ее отца, только с другой фамилией. У Жени, профессионального телохранителя, в прошлом студентки секретной военной школы, брат оказался... автоугонщиком-рецидивистом! И угораздило же его на пару с дружкой увести дорожную машину, принадлежащую недавно убитому сотруднику закрытого института Вадиму Косинову! В машине находился ноутбук с данными, ценность которых не поддается подсчету. Или, может быть, братец и его дружок как раз и убили Косинова – не даром же их усиленно разыскивают. А тут еще неизвестные похитили тетю Жени – так что, не теряя времени, девушка-телохранитель бросается спасать тетю, братца и разгадывать криминальные загадки, которые начались у нее с появлением родственничка...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Марина Серова

Угнать за 30 секунд

Пролог

За приволжским городком Ровное, что в двадцати километрах от Волгограда, росла туча. Она была провозвестником ночной тьмы, и, хотя еще не было так поздно, чтобы ночь начинала чувствовать себя полновластной хозяйкой на остывающей земле, все вокруг потемнело, словно постаревший воздух тронулся складками и морщинами, как кожа старухи.

Вадим Косинов остановил машину у стадиона «Темп». Место было совершенно пустынное. Кариесным остовом чернела развалина трибуны. Микроскопической пародией на Триумфальную арку громоздились облупленные каменные ворота. Облезлый черный кот демонически вышагивал по карнизу заброшенного дома с кривой надписью «СТО» – станция технического обслуживания. Тут же, у ворот, стоял, растопырив гидравлические упоры, кран с тремя бетонными плитами.

Кран почему-то напомнил Косинову огромного железного паука. Зловещего паука.

Косинов вжал голову в тощие плечи и подумал, что ему давно не приходилось видеть более заброшенного места. Он поправил покривившиеся на переносице очки и прокашлялся. Откровенно говоря, ему было жутковато, хотя он совершенно точно знал: человек, пообещавший ему встречу, не мог организовать подставу или засаду. Если не верить ему, то кому же тогда верить?

Косинов несколько раз кашлянул, и тут же в глухой и надсадный звук кашля вплелся осторожный и вкрадчивый гул, а потом в уши Вадима мягко прынул шорох чужих шин, звуки открываемых дверей автомобиля и негромкие отрывистые голоса. Он повернул голову: к его машине шли люди.

Косинов откинул пряжку ремня, и в это самое мгновение в салон его машины сели сразу трое – сели совершенно синхронно, через три одновременно открытые дверцы.

– Сидите спокойно, не крутите головой, если хотите, чтобы с вами говорили так же вежливо, как сегодня по телефону.

– Но я... – начал было Вадим, однако его неспешно, мягко и настойчиво прервали:

– Но – вы? Что касается вас, то вы сначала выслушаете, что я вам скажу. А это вот что: вы, Косинов, очевидно, не понимаете, во что хотите влезть. Но никто не будет этого объяснять. Вы думаете, что у вас есть некий компромат, способный взорвать ситуацию. Вы заблуждаетесь. Даже если вы пойдете в милицию или в известный серый дом на улице Грибоедова, где заседают комитетчики, – все равно это ни к чему хорошему для вас не приведет. Вы чрезвычайно симпатичный человек и выдающийся специалист в своей области, и, кажется, вы даже получили некий грант на сто тысяч долларов...

– Пятьдесят...

– Вот видите. А где пятьдесят, там и сто. И я не вижу никакого смысла прерывать столь удачно развивающуюся карьеру и такую блестящую работу. Нет, я вам отнюдь не угрожаю. Я ведь тоже в некотором роде ваш почитатель и представляю, таким образом, часть общественного мнения. У политологов же есть такое понятие, как давление общественного мнения, не так ли?

– Я не политолог.

– Вы не политолог, я не политолог. Но мы оба понимаем, о чем говорим. Все-таки мы умные люди, Косинов. Не надо, не надо нас провоцировать. Понимаете? Я ведь желаю вам только добра.

– Я надеюсь, – сказал Косинов. По его спине струился холодный пот: этот вежливый голос с аристократическими интонациями вгонял в его вены металл игл, через которые, как страшный наркотик, впрыскивался липкий животный ужас.

– Вот видите, – еще раз отчетливо повторил невидимый собеседник. – Так что вы, как человек умный, сумеете сделать правильные выводы. Бывают сферы человеческой жизни, в которые не следует допускать людей со стороны. Вы хотели проникнуть в одну из таких сфер. Будьте осторожны, Вадим Анатольевич. Ну что ж, всего наилучшего.

И одна за другой захлопали двери: так и не идентифицированные Косиновым визитеры покинули его старенькую «девятку». Вадим некоторое время сидел как соляной столб, не в силах шевельнуть рукой или ногой, потом пальцами размял оочевеншую шею и повернул голову, но увидел только удалявшиеся серые спины.

Ему внезапно стало душно. Вадим протянул руку, чтобы открыть дверь, но дверь почему-то не открывалась.

Косинов содрогнулся.

– Что за... черт? – глухо выговорил он. Подергал дверцу еще раз – она не шелохнулась. Косинов попробовал ударить в нее локтем, но добился только того, что удар пришелся в локтевой нервный узел, и рука онемела от брызнувшей во все стороны ослепительно яркой боли. – Машину, что ли, парализовало... после этих ублюдков?

Сзади послышался какой-то гул. Вадим подумал, что это начался дождь, и стал включать зажигание. Еще не хватало попасть в ливень.

Дождь в самом деле начался и за несколько секунд превратился в сплошную стену. Косинов поспешно поднял стекло в заевшей дверце и продолжил борьбу с внезапно захлебнувшимся стартером. Невзрачный унылый гул не прекращался, и Вадиму показалось, что какая-то черная тень легла на его машину. Глупости.

Он тряхнул головой, но ощущение было очень навязчивым, царапающим, и потому, снова опустив стекло, он попытался выглянуть наружу.

И замер от ужаса.

Прямо на крышу его автомобиля опускалась огромная бетонная плита. Из числа тех, что мирно покоились на кране. Только теперь кран не стоял в бездействии: его громадная металлическая стрела опускала плиту прямо на машину Вадима Косинова.

Дур-рак! Идиот!

Необычайно ярко полыхнуло в голове то, первое, впечатление от крана: железный паук. Кран же никогда не оставляют на ночь с выпущенными гидравлическими упорами. Никогда! Значит, на нем еще собирались работать!

Вадим испустил вопль ужаса и задергал так некстати и так предательски заевшую дверь. Взгляд его впился в панель управления, и вдруг он увидел, что бензин на нуле. Стрелка плотно лежит на столбике ограничителя. Между тем Вадим всего час назад залил двадцать литров бензина, и он явно не мог израсходовать их на те двадцать или пятнадцать километров, что отделяли стадион «Темп» в городке Ровное от его, Косинова, дома в Волгограде. Не мог!

Плита продолжала опускаться, и Вадим, перегнувшись, поочередно задергал оставшиеся три двери. Но ни одна из них не поддавалась.

Тогда, прислонившись спиной к дверце со своей стороны, он несколько раз ударил ногами в стекло противоположной дверцы. Стекло треснуло и как бы нехотя начало вываливаться под отчаянными ударами Косинова. Как раз в этот момент хрустнула крыша, конвульсивно застонали стойки салона, затрещали и стали прогибаться. Кривая трещина наискосок распоролла лобовое стекло, потом оно начало выгибаться и сыпаться лохмотьями.

Косинов удвоил свои усилия, боковое стекло наконец вылетело, и он, просунув ноги, хотел было выпростать и все тело из ставшего ловушкой, мышеловкой салона – но тут страшно треснули стойки, крыша просела, и рваный край железа задел обе ноги Косинова.

Вадим закричал от боли и машинально отдернул обе ноги, инстинктивно поджав их под себя. Перепачкал руки в крови.

Жуткая мысль обожгла Косинова: ведь плита раздавит автомобиль и его вместе с ним, и никто не сможет установить, кому принадлежит тело. Но он уже плохо соображал, и руки сами нашли нужный карман, потянули уголок паспорта... И красная книжечка, развернувшись в полете и захлопав страницами, как бабочка крыльями, вылетела из автомобиля и упала в лужу.

И тут крыша быстро пошла вниз и схлопнулась с полом. Ничего этого Косинов уже не увидел и не почувствовал. Лишь в голове его задавленной мышью дернулось воспоминание детства: маленький Вадик валяется в песочнице и колотит руками и ногами, а сверху массивной тридцатикилограммовой тушкой пытит и удерживает упрямого неподатливого сопляка старший товарищ – Васька из соседнего двора. Васька был тяжелым и однажды в пылу игры сломал маленькому Вадике ребро...

Плита села. Вместе с ней – где-то там, за серыми тучами, как глаз за закрытым веком неба, – село солнце.

...Через час после смерти Вадима Косинова к плите, накрывшей «девятку», пришли двое. Нельзя было ошибиться в том, зачем они сюда пришли. Заросшие лица и лохмотья, торчащие из-под болоньевых драных курток образца прошлого века, ясно обличали во вновь пришедших представителей славного и столь многочисленного на Руси-матушке племени алкашей. Дождь к тому времени унялся, и одинокий покосившийся фонарь у ворот стадиона давал скудную пищу воображению а la Блок.

– Ночь, улица... ф-фонарь, аптека... б-бессмысленный и тусклый свет... – чуть заикаясь, пробормотал первый мужичок, низенький и толстый, словно опухший, в покосившихся очках на давно не мытой переносице.

– Живи еще х-хо-оть четвег'ть века... все будет так... исхода нет... умг'ешь – начнешь опять сначала... – картавя, подхватил второй пьянчужка, длинный и худой, в зеленой вязаной шапочке, похожей на узбекскую тюбетейку. – Сначала-а откг'ой бутылку ног'мально! – рывкнул он на своего собутыльника. – Не человек, а... сказка! Беляночка и г'озочка...

– Ну, н-насчет «беляночки» с «розочкой» – это тебе виднее, бр-рат... Т-ты у нас в этом деле эксперт, – отозвался первый, присаживаясь на плиту. – Не зря в наркологии три раза лечился.

– А ты два!

– А-арифметика... Лобачевский нашелся... Пиф-фагор, – бормотал низенький, высвобождая из-под лохмотьев бутылку с любезным сердцу каждого чистопородного российского алкаша пойлом под названием «Анапа». Открыл зубами и отхлебнул такой глоток, что длинный завыл, танцуя по плите:

– Ну... во дает! Думаешь, если ты кандидат филологических наук, то вот так... по полбутылки за г'аз выхлебывать можно?

– У м-меня, м-между прочим, диссертация по «Заповеднику» Довлатова, – сообщил низенький.

– И что?

– А там все пью-у-ут!

Утешившись равноценным глотком портвейна, длинный поправил тюбетейку и начал притопывать по плите. Потом остановился и стал разглядывать плиту.

– Что это тут, эта, начег'тано? Я чего-то... не пойму! Ну, ты, специалист по г'оссийской словесности, пг'очти-ка...

Низенький подошел и стал близоруко тыкаться носом поочередно в каждую из букв надписи, вольготно раскинувшейся через всю плиту.

– Да-ва-е... ба-ва-е...

– Может, «Баваг'ия»? – предположил длинный алкаш.

– П-пиво, что ли?

– Клуб футбольный! Немецкий, из Мюнхена...

Дискуссия могла длиться долго. Под лохмотьями у длинного было еще три бутылки портвешка, и подогретое им воображение в контексте рассеянного, как просыпанная под ветром мука, света фонаря могло продиктовать алкашам любую интерпретацию надписи на плите.

А на бетонной строительной плите, ставшей надгробной для Вадима Косинова, было написано белой краской из баллончика для graffiti: «Давление общественного мнения».

Глава 1

– Максим был прекрасным, достойнейшим человеком.

Я обернулась. Тетушка Мила, склонив голову на плечо и придав лицу в высшей степени назидательное выражение, смотрела на меня. Я перевела взгляд с нее на висящий на стене портрет. Это была фотография, строгая, черно-белая, с выпуклыми переходами оттенков и светотенями. Фотография мужчины лет сорока, с правильными чертами лица, широко расставленными глазами, прямой и открытый взгляд которых давал понять, что это человек достаточно откровенный, простой, но в то же самое время властный и привыкший к тому, чтобы ему беспрекословно подчинялись. Дисциплинированность и строгий самоконтроль сквозили в складке жесткого рта, в легко обозначенных морщинах на высоком, с начинающимися залысинами, лбу. Характерно обрисованные надбровные дуги обличали в мужчине некоторую прямолинейность и упрямство.

Все вышеизложенное в сочетании с генеральским мундиром, в который был облачен человек на фотографии, составляло весьма полную картину, к которой еще час назад мне было нечего добавить, потому как я полагала, что знаю об этом мужчине все. Еще бы! Все-таки это был мой покойный отец, генерал-майор Охотников Максим Прокофьевич.

Но сегодня произошло событие, которое дало мне понять: не зарекайся. Не думай, что ты знаешь о ком-либо все, даже если этот кто-либо – твой отец или ты сама. «Недаром на храме в Дельфах, – отчего-то пришло в голову неожиданное воспоминание, – начертано изречение местного оракула: „Познай самого себя“.

– Он был честным человеком, – повторила тетушка.

Я очнулась. Конечно, тетя Мила имела в виду не Дельфийского оракула. Нет. Она говорила все о том же – о моем родителе, о генерале Охотникове. Вот уж воистину не знаешь, где найдешь, а где потеряешь!

Но все по порядку. Сегодня утром я получила заказное письмо, ознакомившись с содержанием коего пришла в шок. Это обстоятельство прямо указывает на то, что письмо следует привести полностью. Итак:

«Высокочтимая Евгения Максимовна! Человек, который к Вам адресуется, ни разу Вас не видел, если не считать какого-то репортажа по ТВ, где Вы попали в кадр вместе с высокопоставленным чинушей из тарасовской администрации. Кажется, сей бюрократический продукт – я имею в виду чиновника – обязан Вам сохранностью своего дряблого животика, яйцевидной черепушечки, да и всей своей незамысловатой, если не считать личного „мерса“, собственного кабинета в присутственном месте да вкладов в банках, персоны. Надо сказать, что Вы, Евгения Максимовна, меня изрядно удивили. Я и раньше полагал, что нет предела совершенству, но Вы существенно раздвинули мои жизненные горизонты. Как писал в одной из своих нетленок г-н Пелевин, „каждый, кому двадцать четвертого октября девятьсот семнадцатого года доводилось нюхать кокаин на безлюдных и бесчеловечных петроградских проспектах, знает, что человек вовсе не царь природы“. Но перейду к делу, тем более что я пьян.

Известно ли Вам, почтенная Евгения, что Ваше имя переводится как «благородная»? Если нет, сочту своим долгом довести это до Вашего сведения. И, вне всякого сомнения, Вы, как благородная леди, не станете отрицать нашего с Вами несомненного родства. Не только душ, разумеется. Горькая правда жизни состоит в том, что двадцать семь лет тому назад некий военный проезжал по Приволжской железной дороге и в связи с задержкой поезда в Волгограде сошел в сем городе-герое и отправился весело проводить время. А что он проведет время весело, то полагать так он имел все основания. Ибо в указанном городе-герое имел любовницу.

Простой расчет указывает, что именно эта задержка поезда и дала отсчет новой жизни. Любовница бравого военного забеременела и после известного срока родила мальчика, которого назвала в честь отца Максимом.

Так появился на свет человек с таким лермонтовским именем и отчеством: Максим Максимович. Когда Максиму Максимовичу было шестнадцать, его родительница приказала долго жить. Долгое время М.М. гневил бога своими малосущественными рассуждениями о том, что, простите, все люди как люди, а он – хрен на блюде. Без родственников, без моральных устоев, без, видите ли, оснований вращаться в приличном обществе, на которое он имел право самим фактом своего рождения. Все-таки он имеет честь происходить от генерал-майора Охотникова, который, как говорят, служил в КГБ и вообще был большой ведомственной величиной. Правда, весь запас своей родительской любви он расходовал на одного лишь отпрыска, коим, Евгения Максимовна, являетесь Вы. О своей побочной волгоградской поросли он за давностью лет и множеством дел запомнил, а потом и вовсе умер. Это, конечно, печально, но у нас с Вами повод встретиться, я полагаю, есть. Так что еду к Вам из Волгограда на поезде 118 Астрахань–Москва, а если фигурально – лечу на крыльях любви и родственной привязанности. Прибуду скоро.

В случае если Вы, почтенная сестрица, сомневаетесь в моей личности, то готов немедленно представить соответствующие документы, подтверждающие факт моего рождения от генерал-майора М. П. Охотникова. Но основное доказательство, прошу прощения за ссылку на анатомию, – это моя личность, в частности, физиогномика оной.

Наше Вам с кисточкой, сестрица. С сим остаюсь Ваш брат Максим Максимыч».

Когда я прочитала данный, с позволения сказать, опус, то подумала, что это чистой воды издевательство. Однако... Тетушка, видя мое недоуменное лицо, перехватила у меня листок и, нацепив очки, тоже столь шокировавшую меня писанину прочла. Ее лицо отвердело, стало серьезным и каким-то печально-вдохновенным.

– Какой-то придурок... – обрела наконец я дар речи. – На прошлой неделе мне уже прислали какую-то ерунду о том, что «палица господня занесена...», ну и прочий бред. Оказалось, алкаш из соседнего подъезда написал. Я его по почерку вычислила. Это, в принципе, довольно просто оказалось.

– По почерку? – заинтересовалась тетушка. – Это что же... как Шерлок Холмс, что ли?

– Совершенно верно, – сказала я, – как Шерлок Холмс.

– А что ты можешь сказать об этом письме? – спросила тетя Мила.

– Да какая разница! – пожала я плечами. – Честно говоря, этот кретинизм меня мало интересует. Мне сегодня ехать по делам нужно. Вот еще, буду я снова графологическую экспертизу проводить из-за какого-то чокнутого.

– Тебе неинтересно?

– Нет.

– А совершенно напрасно. Потому что этот человек написал правду.

Я посмотрела на тетушку так, как рассматривала ее в последний раз около месяца назад, когда она по ошибке засыпала в стиральную машинку муку и крахмал вперемешку. Вместо стирального порошка-то!

– Не поняла, – только и смогла произнести я.

Вот с этого момента тетушка и начала свои рассуждения о том, что ее брат, а мой отец, был честным и порядочным человеком.

– Тебе, конечно, будет тяжело слышать то, что я скажу, но с твоей мамой у него не все складывалось так, как хотелось бы, – заговорила она. – И многое из того, что тут, в этом письме, изложено, я знала. Что у него в Волгограде кто-то есть, какая-то Ира, например. И что у нее от него ребенок, мальчик. Но больше мне Максим ничего не говорил, хотя и доверял больше

всех. Но ты не должна разочаровываться. Максим, твой отец, был прекрасным, достойнейшим человеком.

– Тетушка, я даже и не думала разочаровываться в нем, – отозвалась я несколько озадаченно, – но ты сама меня пойми... Приходит какое-то идиотское письмо, как будто для издательства написанное, а потом еще оказывается, что в нем – суцая правда. Если даже и так, то где мой братец Максим был все двадцать шесть лет своей жизни?

– Он же написал...

– Или хотя бы последние десять? Ведь его мать умерла как раз десять лет назад, мой отец – примерно тогда же. Мог и объявиться. Да и ты, дорогая тетушка, если знала, то... Эх! – Я махнула рукой. – А теперь вот изволь принимать этого братца. Что за тип еще окажется...

– Ты, я смотрю, настроена неблагоприятно.

– А с чего мне быть благоприятной? Ладно... посмотрим, что он за индивид, скоро уже приедет. Кстати, поезд сто восемнадцатый Астрахань – Москва когда прибывает в Тарасов?

Тетя Мила развела руками:

– Ну так... позвони в справочную вокзала.

– Сейчас так и поступим.

Оказалось, что поезд прибывает в Тарасов сегодня в двенадцать часов семь минут дня. Дежурная сказала, что он на полчаса опаздывает, так что ожидается без двадцати час.

Я взглянула на часы: они показывали половину первого. Следовательно, если прикинуть время на то, чтобы добраться от вокзала до нашей улицы, найти дом и квартиру, – то примерно через час родственничек, вдруг нарисовавшийся в моей жизни, может уже позвонить в дверь. Впрочем, ничто не указывает на то, что приедет он именно этим, а не следующим астраханским поездом, завтра.

– Глупости, – сказала я. – Черт знает что! Вот ты сама, тетушка... ты ведь одни детективы в последнее время читаешь, что не лучшим, надо признать, образом на тебе отражается... что можешь сказать о письме? В частности и главным образом – о почерке? Все-таки ты юрист, логика развита... попробуй, попробуй! Спрогнозируем, каков из себя этот наш новый родственничек.

Тетушка снова нацепила очки, а потом с угрожающим видом вооружилась и двояковыпуклой лупой.

– Ну что же, – наконец сказала она, – о том, что этот Максим – человек развитый и не лишенный чувства юмора, мы можем судить хотя бы по стилистике и уровню грамотности, отраженным в этом послании. – «Послание! – раздраженно подумала я. – Публий Овидий Назон на берегах Понта Евксинского!» – Я, конечно, не эксперт по графологии, но тем не менее могу сказать, что писал человек, уверенный в себе, самодостаточный... Взгляни, Женечка, на соединения букв... Кроме того, он эмоционально ярок, о чем свидетельствует манера написания заглавных букв и... м-м-м...

– Достаточно, – сказала я, – теперь позволь мне, мой дорогой Ватсон. Большая часть твоих выводов, тетя, как и положено у Ватсона, ошибочна. Уверенный, самодостаточный, эмоционально ярок... Все это общие слова, причем отнюдь не бесспорные. Во-первых, могу сказать, что послание писано в кабаке на пластмассовом столике, из чего делаю вывод, что кабак дешевый. Правда, ручка хорошая, дорогая, но тем ярче она отражает условия, в которых оно сочинялось. А теперь взгляни на свет. Видишь вот тут, в углу, отпечаток пальца? Так вот, этот палец перемазан в шоколаде. Плюсуюем в общую копилку качеств неаккуратного сладкоежку.

– Но, Женечка, ты...

– Не буду тебя долго мучить, тетя Мила, – прервала ее я. – В наш век куда проще не корпеть над бумагой, а устроить графологическую экспертизу по всем правилам современной науки. В общем, так: у меня в компьютере есть современная экспертная программа, которая

«расколет» этот почерк, как орешек. Через несколько минут мы будем знать о нашем Максиме Максимовиче все.

– Прогресс ну совершенно убивает романтику, – вздохнула тетя Мила. – Как представишь себе мистера Холмса, запускающего образец почерка в сканер, чтобы программа графологической экспертизы распознала и проанализировала... Нет, это решительно дурно!

– Ну-ну, – скептически откликнулась я, – теперь пошли рассуждения в духе: «Кибернетика – буржуазная лженаука!»

Тетушка принялась возражать, а пока она произносила свою прочувствованную речь, я вложила письмо в сканер и активировала программу. Скоро весь этот Максим Максимович сосредоточится в одной коротенькой распечатке.

Наконец зажуужал принтер. Я подхватила лист и проглядела резюме, созданное на основе экспертного анализа почерка. И, конечно же, образ «уверенного и самодостаточного человека», нарисованный тетушкой, растаял на глазах.

– Ну, что? – спросила она.

Я лицемерно откашлялась и взглянула на нее с лукавой улыбкой:

– Вот, получи своего «эмоционально яркого». Не буду зачитывать все резюме, скажу в общих чертах. Итак, образец почерка принадлежит мужчине двадцати пяти – тридцати одного года, роста скорее высокого, до метра восьмидесяти пяти, астенического, то есть слабого, телосложения. Темперамент сангвинно-меланхолический, со склонностью к унынию и депрессии. Выражено слабоволие и подчеркнутое отсутствие инициативы. Интеллектуальный уровень – прошу обратить внимание! – выше среднего, достаточно высокий творческий потенциал, развито ассоциативное мышление. Возможны сезонные осложнения в психике, подавленность, диктуемая... гм... Ну, дальше совсем уж заумь пошла, – подвела я черту своим сообщениям. – В общем, переводя с экспертного на человеческий, получаем мы этакого дерганого ироничного фрукта, мрачного, тяжелого на подъем и, возможно, склонного к запоям. Раз про депрессию сезонного характера сказано, так, значит, и до маниакально-депрессивного психоза недалеко. Вот такой красавец, – проговорила я, – а то – «уверенный», «самодостаточный».

– Ты просто какого-то маньяка описала, – проговорила тетушка. – А твоя эта... программа в компьютере... не может ошибаться?

– Не может, – отрезала я. – Конечно, незначительные отклонения, так сказать, погрешности, возможны, но основные, магистральные выводы – тут ошибка исключена.

– К тому же – хлипкого телосложения... – проговорила тетя Мила. – И с чего бы это? Максим был мужчина видный, я бы даже сказала – атлет. А этот, которого ты сейчас описала, астенического телосложения. Проще говоря, длинный, тощий и с цыплячьими плечиками, так?

– Так, – усмехнулась я.

И тут прозвучал звонок в дверь. Я взглянула на часы: двенадцать пятьдесят пять. Рановато, если это он, родственник новоявленный. Впрочем, не исключено, что явился сосед дядя Петя, который накануне позаимствовал у нас «на минуточку» уют и до сих пор ошивался с означенным бытовым прибором черт-те где. Не исключено, что уже и продал его за пару литров спирта. Дядя Петя хороший мужик, но когда выпьет...

Я направилась открывать.

Перед нашей квартирой стоял явно не дядя Петя. В дверной «глазок» я разглядела ухмыляющуюся физиономию некоего индивида, который крутил головой и гмыкал. У посетителя было довольно привлекательное лобастое лицо, широко расставленные серые глаза, массивные щеки и весьма немалый нос. Если учесть, что я видела его впервые, то дядя Петя отпадал, а описанию, данному в резюме графологической экспертизы, пришлый индивид не соответствовал в корне.

Я хотела было спросить, кто такой к нам пожаловал, но подумала, что ничего оригинального не услышу, и открыла без вопроса.

Увидев меня, посетитель расплылся в широкой улыбке, показавшей, помимо радушия, и то, что гость наплевательски относится к своему здоровью, в частности, к вопросам стоматологии: справа не хватало одного зуба, передний был немного и характерно сколот. Такой скол образуется у тех, кто имеет вредную привычку открывать зубами пивные бутылки.

– Только что с поезда, – не вдаваясь в подробности, провозгласил индивид. – Я не знал, что ты так близко к вокзалу живешь, и зачем-то такси поймал. Проехали два квартала, и таксист заявил: приехали, плати сотню. А за что платить-то? Нашел дурачка. Сотню ему плати, а?

– В самом деле – дорого за два квартала, – деревянным голосом отозвалась я.

Посетитель повертелся на пороге, впрочем, не обозначая желаний представиться и войти в квартиру, а потом и вовсе отскочил на площадку и стал заглядывать в лестничный пролет.

– Что там такое? – спросила я. – Вы кто вообще такой?

– погоди!.. – отмахнулся он. – Ну конечно! Опять его колотят. Э-эх, Микиша, даже от водилы спрыгнуть не может. Пойду вытащу. Эта-а... ты ведь Женя... Ты – Женя, да?

– Д-да.

– Похожа! – громогласно заявил визитер и скатился по лестнице. За моей спиной возникла тетушка и произнесла:

– Хулиганят?

– Ну... что-то вроде того.

– Надо сходить за утюгом к Пете, – задумчиво произнесла она, между тем как снизу слышалось какое-то натужное пыхтение, бухтение, потом недовольный мужской бас взрезал воздух: «Не, вы платить будете?!» Затем раздались звон битого стекла, писк, как будто наступили мыши на хвост... Тетя Мила повернулась на пятках и произнесла:

– Милицию, что ли, вызвать?

– Не надо. Не надо, – сказала я, прислушиваясь к звуковому оформлению невидимой мне батальной сцены. – Не надо пока никого вызывать, там, кажется, все к завершению идет.

Я оказалась права. Послышались приближающиеся шаги, и появился недавний посетитель. Теперь он не улыбался и был не один. Он буквально волок за шкуру высокого тощего типа с вытянутым лицом нищего художника, в серой куртке, коричневых штанах и вязаном сиреновом берете, как будто позаимствованном у какой-либо из околоподъездных старушек. Тип слабо брыкался, но в целом вел линию поведения человека, покорного событиям.

– Вот! – объявил первый, снова широко улыбаясь. – Говорил ему, чтобы первый выходил, так нет же... Совесть, видите ли, его мучает! Ты что, Микиша, думаешь, что этот таксюган с голоду помрет, если ты ему не заплатишь? Нет, вы только на него взгляните, вы взгляните! – с жаром призвал он.

– Да я смотрю, – машинально откликнулась я. – Простите, молодые люди, может, вы все-таки ошиблись дверью?

– И не надейтесь! – заявил здоровяк. – Никак не ошиблись. Вот и Микиша подтвердит. Ми-ки-ша! – Он потрянул длинного так, что голова того заболталась, как у тряпичного Петрушки.

Многострадальный Микиша пробулькал:

– Под-тверж-даю!..

– Вот-вот, – сказал крепыш, продолжая улыбаться. – Так что посторонись, сестренка, дай-ка я вкачу этого цуцика в квартиру. Ему полежать надо. Не надо кровати! – вдруг решительно заявил он, как будто ему усиленно эту самую кровать предлагали. – Сойдет и какой-нибудь топчан. У вас есть собака? Я к тому, что если есть, то собаку нужно согнать, а на ее подстилку уложить Микишу.

– У меня нет собаки.

– Ну и ладно! На пол ляжет или на матрас. А то у него боязнь высоты. Он как-то раз сверзился с двухуровневой кровати – со второго этажа, понятно, – так с того времени завязал

спать на кроватях. Вот я вижу, вы мне не верите, Женя. А зря-а-а! Между прочим, я – человек правдивый. Мне даже Грузинов верит. Иногда.

– Не знаю, о каких грузинах вы говорите, но вам определенно не сюда, – сказала я, теряя терпение и собираясь захлопнуть дверь. – Кто вы такой, в самом деле?

– Не надо меня тиранить, Женя, – заявил лобастый. – Мы ж вам прислали это... уведомление. Я – Максим. Из Волгограда, ну? А я вот тебя сразу узнал! – без обиняков сообщил он и хотел было полезть ко мне обниматься, но хлипкий Микиша, лишившись опоры в лице своего могучего друга, едва не соскользнул на пол. Пришлось здоровяку оставить мысль заключить меня в объятия – он снова подхватил товарища, служа тому чем-то вроде длинной подпорки.

Да они и походили на некий садово-огородный ансамбль: толстая, мощная пролетарская подпорка, а вокруг нее плющом обвивается длинный, слабый, зыбкий стебель благородного сорта.

– Я – Максим Максимыч, – повторил крепыш и, захлопнув за собой дверь, окончательно вкатился в квартиру.

Я прищурила глаза: в самом деле, его круглое добродушное лицо, выпуклый шишковатый лоб, широко расставленные серые глаза и массивные нос и подбородок – все удивительно смахивало на черты, запечатленные на портрете, висящем у меня на стене, портрете отца, генерала Охотникова. Только если на портрете черты были строги, упорядочены и властны, то у явившегося ко мне толстяка они представлялись в этойкой комической ипостаси. Вроде бы сходство несомненно, но в то же самое время – нет, не то. Ну что это за карикатура?..

Тетушка одной фразой развеяла мои сомнения. Она, казалось бы, не заметила ни сомнительного сопровождения Максима Максимыча, ни его плебейской экипировки. Она приблизилась и, приспустив очки, выговорила:

– Похож, похож! Ну вылитый Максим Прокофьевич! Только потолще... поплотнее. Здравствуй, Максим. Что ж ты такой расхлябанный?

Она скользнула мимо меня и приобняла Максима Максимыча за плечо. Потом перевела взгляд на болтающегося, как что-то там в проруби, Микишу и спросила:

– Максим, а это кто? Я не понимаю, как можно быть в час дня в таком недисциплинированном виде. Вот отец бы тебя не похвалил за такое!

Я люблю свою тетушку за все. Но, в частности, за то, как непринужденно – особенно для своего поколения – она умеет обращаться с людьми. Ведь и не видела этого волгоградского родственничка никогда, а говорит с ним так, будто он отлучился днем раньше, немного набедокурил, а теперь вот получает законное порицание.

– Вы, понятно, тетя Мила, ага? – осведомился Максим Максимыч. – Оч-чень хорошо! Микиша тут немножко приболел... простудился он, значит. В общем, с шофером подрался. На самом деле это неважно. Да и таксопарк у вас в Тарасове возмутительный.

– Отведи его в ванную, – требовательно сказала тетя, – пусть промоет лицо. У него же бровь разбита.

– Бровь – не жизнь, склеим, – афористично отозвался Максим Максимыч. – Подымай ходули, Микишка, идем тебя в форму приводить.

Они ушли в ванную комнату. Мы с тетей переглянулись, я пожалала плечами, но ничего больше сказать не успела, потому что из ванной послышался душераздирающий вопль, грохот бьющейся посуды, а потом хохочущий баритон Максима Максимыча раскатился:

– Да куда ж ты полез, щучий сын? Это ж тебе не бритва! Это ж тебе фен!

Глава 2

После того как инцидент в ванной был исчерпан, осколки от разбитой зеркальной полочки собраны в совочек и выброшены, а Максим Максимыч от лица Микиши торжественно пообещал купить новую вещь взамен утраченной, мы сели обедать. Тетушка была, видимо, напряжена, посматривала на Максима Максимыча косо, а я все откладывала начало разговора. Хотя, если честно, для меня было очевидно, что приехали они сюда не просто так.

Наконец я произнесла, глядя на то, как уписывает еду за обе щеки Максим Максимыч и анемично, по кусочку, питается Микиша:

– Я так понимаю, Максим, что письмо писал не ты?

Он поднял голову, продолжая жевать и уставившись на меня смеющимися глазами, а потом пробубнил:

– То есть как это – не я?

– Рука не твоя.

– А ты что, сеструха, руку мою знаешь, что ли? Мы ж тово... не виделись! Ни разу.

– Во-первых, попрошу тебя не фамильярничать, а во-вторых, у меня есть основания утверждать, что писал не ты. Вот, к примеру, он мог писать. Но уж никак не ты.

Максим Максимыч перестал жевать. На его лице появилась задумчивость. Видимо, он относился к категории тех представителей хомо сапиенс, которые не могут делать сразу два дела вместе. К примеру, жевать и размышлять. За задумавшегося собрата ответил Микиша, и я впервые услышала его голос, и он оказался вполне соответствующим внешности этого длинного и тощего, чем-то напоминающего булгаковского Коровьева, парня:

– Но ведь в самом деле не ты писал, Макс, а я. А ты только хохотал. Мы с тобой в «Бура-тино» сидели, – довольно пискляво произнес Микиша.

Максим Максимыч сморщился и отвернулся:

– Не упоминай при мне эту сивушную забегаловку! Чтоб я туда... да я туда... да ни ногой!

– На прошлой неделе уже ни ногой обещал, – насморочным тонким голосом доложил Микиша. – А только ты, Макс, говоришь, а не делаешь.

– Смотри у меня! – пригрозил тот.

– В целом понятно, – резюмировала я. – Как я вам и говорила, тетушка, писано в кабаке. Наверное, любезный Микиша вкушал шоколад. Что вкушал Максим Максимыч, тоже несложно догадаться, особенно если учесть, что он не помнит момента написания письма.

– Я вообще люблю сладкое, – доложил Микиша. – Я, это... много сладкого ем. Углеводы способствуют интенсификации интеллектуальной конъюнктуры.

Максим Максимыч даже подавился, когда Микиша, ни разу не запнувшись, выговорил вот это ужасающее: «...интенсификации – интеллектуальной – конъюнктуры». Я перевела взгляд с тетушки на Микишу и произнесла:

– Да, видно, в самом деле писали вы, молодой человек. Судя по всему, вы достаточно образованны. Кстати, у вас в самом деле есть склонность к депрессии?

– Откуда вы знаете? – вскинул глаза тощий парень.

– Да так. Провела графологическую экспертизу вашего чудного послания.

Максим Максимыч засопел и заерзал на стуле.

– Не надо при мне произносить таких слов, – сказал он. – Такие слова я все время от Грузинова слышал. Хреновые это слова.

– Грузинов – это, надо полагать, – работник правоохранительных органов. Не так ли, братец? – сухо спросила я. – Ты уже во второй раз его поминаешь всеу.

– Да, следак, – прохрипел Максим Максимыч. – Мусорный тип. Отстойный человечиска.

– Ну, судя по тому, что ты с ним вообще контактишь, он о тебе не лучшего мнения. Вот что, дорогой мой. Уж коли ты пришел и расположился, дай-ка мне сюда свой паспорт. И вас, молодой человек, кстати, тоже попрошу.

Микиша почему-то сконфузился и завернул голову едва ли не под мышку, как стеснительный деревенский гусь – под крыло. Максим Максимыч фыркнул:

– А и не надо у него паспорт-то смотреть!

– Почему это? – спросила я. – Все-таки я должна знать, что за люди пришли к нам в дом. А с вами, любезный родственник, мне и вовсе хотелось бы познакомиться по всей форме протокола: ФИО, прописка, семейное положение.

– З-зачем это? – без особого восторга осведомился братец.

– Для общего развития! – отрезала я.

Воцарилось молчание. Наконец Микиша вынул голову из-под «крыла» и спросил, смущаясь:

– А вы... это... не будете смеяться?

– А что такое?

Максим Максимыч, который вот уже с минуту хрюкал старательно, но с трудом удерживаясь от смеха, тут расхохотался, разгрохотался, врезав локтем по столешнице так, что едва не опрокинул весь обеденный стол.

– Да у него такое ФИО, что все время боком выходит! Такое имечко знатное! К тому же он кукурузу просто ненавидит.

– А к чему тут кукуруза?

– Да очень просто, – играя мясистыми щеками, принялся увлеченно объяснять Максим Максимыч. – У него имя-отчество: Никифор Семенович. Вот отсюда и Микиша. Имечко-то, конечно, подгуляло, но это еще ничего. А вот фамилия у него – Хрущ. Понимаете? А в сумме получается и вовсе смешотворно!

– Вообще-то я Хрущев, – промямлил длинный.

– Хрущев Никифор Семенович... Н-да, – протянула я, поймав на себе умоляющий взгляд Микиши. – Хрущев Н.С. Недурно. С такими паспортными данными тебе бы лет сорок назад жить. Никто бы и пикнуть не посмел, не то что протокол составить.

– Да уж я представляю... – весело заявил Максим Максимыч. – Стали бы при Никите-кукурузнике на Микишу составлять протокол: «Задержан за нарушение общественного порядка Хрущев Н.С. Означенный гражданин, будучи в общественном месте в нетрезвом виде, снял с ноги башмак и стал стучать им по столу, употребляя при этом нецензурные выражения...» За такой протокол того, кто его составил, под белы ручки да в КГБ, а нашему Микише ничего бы и не было! Не то что теперь...

– А что теперь? – спросила я. – Проблемы? Правитель не тот? Кстати, Максим Максимыч, а у тебя какая фамилия? Не Охотников, надеюсь?

– У меня – девичья, – пробасил тот. – То есть материна. Кораблев я.

– Кораблев? А прописан в Волгограде?

– Ну да, – буркнул тот.

– Двадцать шесть лет?

– Яволь!

– Ладно, кушайте пока, – сказала я, вставая. – Я сейчас вернусь.

– Ты не за ментами? – иронично осведомился Максим Максимыч, однако я успела заметить, как в выпукло-серых, отцовских, глазах его мелькнул отнюдь не смешливый, напряженный огонек.

– Я сильно похожа на Иуду? – осведомилась я и с этими словами вышла из кухни. Мне вслед полетело интенсивное чавканье: братец с новыми силами взялся за трапезу.

Я села за компьютер, но прежде чем проделать то, за чем я, собственно, пришла, – задумалась. Максим Максимыч, шумный родственничек, и его спутник, застенчивый Микиша, уж слишком сильно напоминали мне ту мелкоуголовную прослойку, что не причиняет особых беспокойств законопослушным гражданам, но в милицейских протоколах отмечается регулярно. Так что не мешает «пробить» их по нескольким базам данных.

Первые же результаты оказались впечатляющими. Мой смешливый и громогласный братец, с первого взгляда человек в общем-то симпатичный, хотя и несколько утомительный, по базе Волгоградского УВД оказался довольно криминальной личностью. Гражданин Кораблев М. М. был вором средней руки, специализирующимся на угонах автотранспорта. Автоугонщик проходил под довольно забавной кличкой Костюмчик.

Вор Костюмчик имел две судимости с общим сроком на семь с половиной лет, из которых отбыл четыре с половиной. Оба срока освобождался условно-досрочно, что вообще-то редкость: УДО, то есть условно-досрочное освобождение, в отношении рецидивистов стараются не практиковать.

Застенчивый Микиша тоже оказался еще тем фруктом. Гражданин Хрущев Н. С. (я все – таки заморгала, когда прочитала это ФИО, интересно все-таки оно звучит в криминальном досье), он же вор Микиша, отмотал один срок в три года и вот уже шесть лет был на свободе. Что касается М. М. Кораблева, то он дышал вольным воздухом три года и девять месяцев.

– Хорошие, добрые люди, – пробормотала я. – Приехали, называется, погостить к родственникам. Что им, интересно, надо, и как этот Макс меня вообще раскопал?

Впрочем, торопиться не следовало. Спешка, как то следует из распространенной поговорки, актуальна только при ловле блох.

Я вернулась на кухню, уже имея некоторое представление о своих гостях, и стала наблюдать за тем, как Максим Максимыч, смеша мою тетю, рассуждает о прелестях российских железных дорог. Микиша же, казалось, всецело отрешился от общества и вяло ковырял вилкой в салате с таким унылым видом, как будто не обедал, а совершал патологоанатомическое вскрытие.

– Вот что, братцы, – сказала я, когда Максим Максимыч и Микиша закончили пить чай. – Прогуляться надо. Поговорить.

– Да они же только с поезда, – произнесла тетя Мила. – Устали, наверное.

– С астраханского поезда-то? Это же не Санкт-Петербург – Владивосток, в самом деле! Часа четыре ехали, не больше. Так что собирайтесь, ребята, погуляем. У нас город красивый, есть где отдохнуть, свежим воздухом подышать. Тем более что погода прекрасная.

Микиша съезжился. Максим Максимыч взглянул на меня с явным неодобрением и проговорил:

– Не успели приехать, как уже выгоняют. Ты, Женя, какая-то... Снежная королева.

– За королеву, конечно, спасибо, но, как я понимаю, это был не комплимент. Я вас никуда не выгоняю. На улице плюс пятнадцать, почему бы не прогуляться?

– А можно съездить за город. На пикник, так сказать, – заявил Максим Максимыч. – Если не на чем, то что-нибудь придумаем.

«Знаю я, что вы придумаете, – подумала я, – у обоих в графе „занятие“ должно быть проставлено: автоугонщик. Милый у меня родственничек, ничего не скажешь. А куда денешься? Верно, и в самом деле брат по отцу. Похож. Хотя взглянуть, что у него за доказательства нашего родства, тоже не мешало бы».

Очевидно, те же самые соображения пришли в голову и Максиму Максимычу, потому что он подпрыгнул на табуретке и воскликнул:

– А фоток-то я вам так и не показал! Упущение, упущение. А то еще скажете: приехал какой-то хрен с горы и выдает себя за, понимаете ли, родственника.

Он полез во внутренний карман и вынул оттуда пухлый пакет. Протянул его – вот психолог чертов, знает, кого пробить на чувствительность быстрее! – не мне, а тете Миле. Первые же возгласы, донесшиеся со стороны моей тетушки, показали, что Максим Максимыч не обманул, а дал именно те документальные свидетельства своего родства с нами, о которых под его диктовку упоминал в письме Микиша Хрущев.

– Это я с мамой и папой в восемьдесят третьем, – комментировал меж тем Максим Максимыч фотографии, которые тетя перекладывала из руки в руку. – Это наша соседка... а вот это, кстати, наш двор в Волгограде, и мы тут с Микишей.

«Не стоит пока что огорчать тетю, – размышляла я. – Кажется, для нее свидание с племянником, пусть и непонятно зачем выкристаллизовавшимся, в самом деле радость».

– А это, значит, я после того, как выиграл забег по легкой атлетике.

«Максим Максимыч, милый братец, и приятель его Микиша вообще, конечно, ребята своеобразные, а тетушка всегда питала слабость к оригиналам и эксцентрикам. Помнится, когда она еще преподавала в юридическом институте, ее все время корили, так сказать, за либерализм. За то, что она могла поставить „отлично“, скажем, не за знания, а за находчивый ответ...»

– А вот тут мы с папой около Мамаева кургана. Мне тут года три, что ли.

«Предположить, что они приехали просто так, конечно, можно. Тем более узнать, что в городе Тарасове проживает Евгения Охотникова, просто: я в этом регионе довольно известна, особенно в соответствующих кругах. Боюсь, что и эти двое, невзирая на их внешнюю безбидность, на такие круги выход имеют».

– А это мы ездили на дачу, когда папу подвезли на бронетранспортере, который принадлежит его сослуживцу... то есть состоит в дивизии, которой командовал его друг, – поправился Максим Максимыч, заметно озираясь по сторонам и задерживая свой взгляд на холодильнике.

«Ну, все понятно, – подумала я, – выпить человеку захотелось. А выпить-то и нечего. То есть, конечно, есть чего, да только кто бы ему дал. Нет, милый братец, за выпивкой придется пробежаться. Босиком бы пробежаться по росе... Сосед наш, дядя Петя, за водкой даже по минному полю пробежался бы. Кстати, умыкнул он уют, это уж точно. Был бы он не таким хлипким, я бы ему показала, как бытовую технику воровать».

– Здесь мы на кабриолете. Кабриолет – это машина без крыши. Правда, кабриолет самодельный. Это когда я уже... в общем, несколько лет тому назад. Мы с ребятами скинулись и купили старый «Москвич», а у отца Микиши, – Максим Максимыч кивнул на шуплого своего подельничка, – была «болгарка», такой инструмент, который металл пилит. Мы и спилили. Крышу, в смысле. И получился кабриолет, вот на память и щелкнулись.

«Наверное, любовь к машинам у него пошла с детства. Ну что же, в добрый путь, как сказал бы гаишник, получив мзду. Вообще, конечно, этот Макс человек обаятельный. Тетушку, кажется, уже уболтал, хоть она и кичится тем, что любого человека видит насквозь. Это у нее от юридического образования. Все эти юристы полагают, что знают людей как облупленных, а на самом деле они считают людей марионетками, привешенными к ниточкам тех или иных законов. А ниточки-то обрываются. Еще как обрываются! Эти ребята, угонщики, верно, тоже не особо обременяют себя ниточками. Нет, решительно этот Максим Максимыч очаровал милую родственницу. Впрочем, ее понять можно: все-таки он очень похож на ее брата, а ведь отец был для нее самым близким человеком. По большому счету, тетушка всю свою жизнь всех знакомых мужиков мерила по родному брату, что и сыграло с ней дурную шутку. Вот сидит теперь моя добрая тетушка на кухне и слушает проходимца, в котором из плюсов-то явных только то, что он внебрачный сын генерала Охотникова и унаследовал от отца некоторые черты лица».

– Да, наверное, в самом деле надо прогуляться, – сказал вдруг братец, косясь в окно. – Тетя Мила (ого, уже так!), у вас есть это... м-м-м... немного? – Он неопределенно покрутил пальцем в воздухе.

– Что?

– Ну... с дороги... в общем, чуть-чуть выпить не помешало бы за встречу.

– Ах, это! – Тетушка взглянула на меня. – Женя, у нас там в баре осталось и...

– В баре ничего не осталось, – заявила я решительно. – И вообще «бар» – чудовищное слово, привнесенное нам буржуазной культурой.

Тетя Мила взглянула на меня с явным удивлением. Максим Максимыч недовольно ухмыльнулся. Один Микиша с хладнокровием земляного червя перебирал пальцами одной руки пальцы другой руки.

– Ты, Максим, кажется, согласился с тем, что стоит прогуляться, – сказала я. – Так что, раз уж покушали, собирайтесь, и пойдём.

В тихом парке в пяти минутах ходьбы от нашего дома мы расположились на берегу пустынного пруда. Солнце проглядывало сквозь ветви деревьев, по воде стелился легкий ветерок. Словом и делом, погода была превосходная. Максим Максимыч вынул из кармана бутылку водки, а Микиша синхронно извлек из полиэтиленового пакета джентльменский набор: три пластиковых стаканчика, несколько сырков и полторалитровую бутылку минеральной воды.

– Красивый... это... у вас город, – сказал Максим Максимыч, жмурясь. – В самом центре – и такие безлюдные места. Здорово. Тут, наверно, в пруду и рыба водится.

– Не водится, – сказала я хмуро, – сюда только такие караси, как вы с коллегой, заплывают.

– А что такое, сестренка? – нагло улыбнулся гражданин Кораблев, разливая водку по стаканам. – Между прочим, хорошо, что сюда пришли. Культурный досуг. Этот, как его... Микиша, слово там какое-то...

– Пикник, – бесцветно сообщил Микиша. – Можно еще – журфикс.

– Во-во! Жирр... фукс.

– Водку будешь, Женька?

Я прикрыла глаза ладонью от солнца, посмотрела сквозь пальцы на новообразовавшегося родственника и покачала головой:

– Нет. Водку – днем? Да еще в такой компании? Не хочу.

– А чем тебе не нравится наша компания? – обиделся Максим Максимыч, жонглируя сырками.

– Всем. Хотя бы тем, что вы усиленно от меня скрываете...

– Что? Что скрываем-то?

– Да практически все! К примеру, мне известны некоторые данные из вашего славного прошлого. Конечно, в вашем с гражданином Хрущевым случае теория Ломброзо пробуксовывает. Ломброзо утверждает, что преступника можно определить по ряду внешних признаков, в частности – по чертам лица. Так как вы, Максим Максимович, смахиваете на пародию моего собственного отца, то в вашем отношении я прохаживаться не буду. Ваш же коллега, Никифор Семенович, вообще похож на выгнанного из аспирантуры за пьянство и отсутствие здравых идей индивидуума. Тем не менее добродушная внешность не гарантирует ничего. Не так ли, любезный Костюмчик?

Максим Максимыч поперхнулся сырком. Я постучала его по спине и продолжала:

– Смешное погоняло. Я знаю много забавных кличек, среди них такие, как Гугнивый, Клепа, Буркало и даже Козмодемьян. Но Костюмчик – это весело.

Максим Максимыч выпил водки и, справившись с первоначальным удивлением, проговорил:

– Вот и Грузинов, следак, такое ж напевает. Он же любитель старых советских фильмов. Вызывает меня в кабинет и издеваться начинает. Спрашивает, например: «Скажи мне, Кораблев, что в деятельности нашей доблестной милиции главное?» Я начинаю гадать, говорю: «Высокая раскрываемость, дисциплина там, ну и вообще... зарплату повысить». Он говорит:

«А ты лучше подумай!» – «Ну, – говорю, – вы, гражданин начальник, за кого меня, дурака, принимаете? Где ж мне разрядку на ментов давать». – «А все-таки?» – «Главное, наверное, в том, чтобы обеспечивать безопасность граждан». Грузинов ржет и говорит: «Вот теперь уже теплее. Но главное, Кораблев, – чтобы Костюмчик сидел...» Это он из фильма, падла, – с обидой добавил Максим Максимыч. – На Новый год все время показывают.

– «Чародеи», – смеясь, сказала я. – Значит, главное – чтобы Костюмчик сидел? Ну что ж... в этом что-то есть.

– А когда же ты про нас все узнала? Еще до нашего приезда, да? Или раньше?

– Ну зачем же так? До вашего приезда ваши персоны меня несколько не интересовали. Я даже не знала, Максим, что у меня есть такой своеобразный родственник, как ты. А узнала я про вас в тот момент, когда... Когда захотела узнать, словом, – отделалась я общей фразой, справедливо посчитав, что не стоит даже хотя бы намекать на имеющиеся в моем распоряжении информационные каналы.

– Все ясно, – сказал Максим Максимыч.

– Нет, ну почему все-таки Костюмчик? Тебе давно приклеили такое погоняло?

– Да. Грузинов, гнида, его знал еще до того, как со мной познакомился. М-да... Пришлось познакомиться, – крякнув, поправился Максим Максимыч. – Меня так прозвали за то, что прикидываться хорошо люблю. Одеваться, в смысле. Да ты сейчас на меня не смотри, – добавил он, заметив, что я окинула взглядом тот затрапез, в котором позволил себе явиться в наш дом гражданин Кораблев, – это я для маскировки. То есть...

– Для маскировки, для маскировки, – кивнула я. – От кого бегаем? Не иначе как за помощью приехали, да? Дознался, что в Тарасове у тебя живет сестра, занимающаяся, прямо скажем, своеобразным для женщины делом? Так? Ну говори, Максим Максимыч, все равно ведь узнаю. В твоих же интересах тебе следует со мной откровенным быть, потому что ты уже темнил-темнил, крутил-крутил вполне достаточно... Словом, перевыполнил план по молчанке.

– Да что ж я тебе прямо при тете Миле должен был говорить, что сидел два раза и вообще любимец Волгоградской прокуратуры?

– Кому тетя Мила, а кому и Людмила Прокофьевна, – строго сказала я, но, сочтя, что в словах брата есть определенная доля истины, несколько смягчила тон: – При ней, конечно, не стоило, ты прав. Но я для того и предложила прогуляться, а ты упирался.

– Я не упирался, – хмуро сказал он. – Микиша, наливай.

– И еще у меня очень сильное сомнение вызывает тот факт, что вы прибыли сюда по железной дороге, – продолжала я. – К примеру, от нашего уважаемого Микиши сильно пахнет бензином. Интересно, где же это он нашел бензин в поезде? Тем более что поезд пришел с опозданием, а вы были у нашей квартиры в то время, в какое никак не могли бы быть, приехав по железной дороге. К тому же, – я окинула пристальным взглядом самого Максима Максимыча, – у тебя вид человека, который долго корпел под капотом «забарахлившей» машины. Маленькие нюансики, типа пятен масла и прочего. Наверное, все было иначе: до Тарасова вы добрались на машине, но где-то на подъездах к городу она заглохла, и вы ее бросили. Поймали попутку. Ведь вы ехали не на такси, я выглянула во двор. И таксист не стал бы драться из-за сотни с двумя мужиками. В общем, ребята, вы в серьезном положении, и у вас вид людей, влипших в какой-то основательный переплет. Или я не права?

Максим Максимыч долго молчал.

– Ты права, – наконец сказал он. – Да, ты права. Микиша, наливай. Сейчас постараемся объяснить...

– Письмо это, ко мне адресованное, вы писали еще тогда, когда не чуяли опасности, – продолжала я. – Оно выдержано в весьма игривом стиле. И еще: писали вы его около недели назад, потому что, как видите, оно успело дойти до нас. Билеты на поезд взяли заранее, потому

что знали, да только воспользоваться ими не пришлось. Наверное, билеты были и не на сегодняшний поезд вовсе?

– На послезавтрашний, – признался молчаливый Микиша.

– Та-ак. Величавое прибытие волгоградцев в соседний город на деле обернулось бегством с тонущего корабля. И что за корабль вы утопили, интересно знать? Какой злобный боцман хочет пустить вас на дно?

– Не боцман, а кашалот.

– Кашалот? Млекопитающее семейства зубатых китов? И где же в средней полосе, в Поволжье, вы откопали кита? – тихо так, вкрадчиво спросила я. – Или этот кашалот – такой же зубатый кит, как Костюмчик – одежда?

– Это ломовой тип в Волгограде, – сказал Максим Максимыч. – Я, честно говоря, его и не видел никогда. Кашалот – это Тимур Кешолава. Грузинский авторитет.

– Не везет тебе с грузинами, – посочувствовала я. – Мало того что насмешливый следователь – Грузинов, так еще и грузин Кешолава в звании Кашалота примешался.

– Его вообще-то зовут по-всякому, – подал голос Микиша, – кто Кашалотом, кто Теймуразом Вахтанговичем, кто Кешей, а кто, извините, и Шалавой. Фамилия такая богатая – дает простор для фантазии.

– Теймураз Вахтангович Кешолава? – Я порылась в памяти. – Честно говоря, не припомню. Ну да он же, наверное, авторитет не федерального значения, а так, на местном уровне.

– Нам хватит и нефедерального.

– Вот тут ты прав. И в чем же вы не угодили этому Кешолаве?

– Да мы и не знаем! – взревел Максим Максимыч. – Мы в полных непонятках находимся, вообще...

Я взяла у Микиши газету. Расстелила на земле и уселась. Подняла глаза на Максима Максимыча и сказала:

– Ну, рассказывайте.

Глава 3

Не слишком долгая жизненная стезя Максима Кораблева и Никифора Хрущева грозила оборваться во цвете их лет, и, что самое характерное и самое обидное, – по причине, непонятной для тех двоих, кто на сию стезю вступил.

Если не считать отдельных антиобщественных наклонностей Максима и Никифора, по сути они были существами незлобивыми и симпатичными. Шутка ли – Микиша ни разу за всю свою жизнь не ударил человека! Вообще ни разу. Редкость даже для того, кто ни разу не преступал закон, а гражданин Хрущев отмотал свои три годика от звонка до звонка. Максим Максимыч таким пацифистом не был, но тем не менее сфера его агрессии была ограничена собаками, которых он терпеть не мог и кидался в них пластиковыми бутылками и стаканчиками от мороженого (но не чем-либо тяжелым!). Кроме собак, Максим Максимыч не любил автосигнализации. Не любил он их за то же, что и собак: за голос.

Зато он любил автомобили. Неизвестно, что послужило толчком для такой любви, но только с самого детства там, где сверстники Максима Максимыча хранили всякие «Пентхаузы» и «Плейбои», он держал многочисленные журналы про автомобили. И старый добрый «За рулем», и издания нового времени. Мать пушила его за то, что все карманные деньги он тратил на жвачки с автомобильными вкладышами и потом клеивал ими все мыслимые плоскости: дверцы шкафов, холодильника, дверные косяки и даже стенки телевизора.

С малолетства и на всю жизнь у Максима Максимыча выработалось трогательное и любовное отношение к автомобилям, и также с ранних лет он определился и утвердился в своем отрицательном мнении относительно милиции. Всяческих проступков на счету мальчишки было множество, но на учет в милиции его поставили только после того, как он в одиннадцатилетнем возрасте угнал у соседа горбатый «Запорожец» и два дня катался на нем по окрестностям. Подобную безнаказанность Максима и халатность со стороны окружающих можно оправдать тем, что дело происходило в городке Ровное, где маленький Кораблев гостил у Алексея Фомича, родственника матери.

Городок Ровное соответствовал своему названию во всем. Тут жили ровные по характеру люди, хотя процент бытового алкоголизма был здесь самым высоким по области. Ровные бескрайние поля расстилались до самого горизонта. Ровное лоно Волги не мог замутить даже самый сильный ветер, а когда таковой и был, то никто Волги не видел, потому что население запиралось в домах и начинало потреблять самогон. Единственное, что не попадало в городе под определение «ровное», это дороги. По сути, дорог и не было. Да и кому они сдались, дороги, если транспортом, имеющим наименьшую проходимость во всем городке, являлась «Победа» бывшего председателя бывшего колхоза.

Примерно за неделю до того, как Максим Максимыч и Микиша пожаловали ко мне в гости, они поехали в гости к тому самому Алексею Фомичу, родственнику Кораблева по материнской линии. Какая именно степень родства существовала между ними, установить не представлялось возможным, потому что матушка Максима Максимыча, человек в этом вопросе подкованный, уже давно умерла, а Алексей Фомич грешил извечным русским пороком – привязанностью к «зеленому змию» – до такой степени, что не мог иной раз вспомнить, кто он сам такой, а не то что копаться в хитросплетениях родословной.

В Ровном парни встретили не только Алексея Фомича. И не только его собутыльника Антона Кузьмича, который утверждал, что он родной брат Алексея Фомича. То, что у них были разные отчества, Антона Кузьмича совершенно не смущало: он не привык входить в такие тонкости, по его собственному негодующему уверению в ответ на естественные сомнения в его утверждениях.

Так вот, помимо этих двоих, в Ровном Максим Максимыч и Микиша встретили своего старого знакомого и одноклассника Вадима Косинова. Вадим, впрочем, учился с ними всего семь лет: в восьмом классе у него обнаружилось блистательные способности, он за полтора года сдал экстерном школьный курс с восьмого по одиннадцатый классы, а потом еще за два с половиной «проскочил» университет. В то же самое время Максим Кораблев уже попал в колонию за угон очередного автотранспортного средства.

Вадим Косинов произвел на приятелей впечатление и прежде всего показался человеком блистательного ума, причем он редко козырял этим умом. Когда Максим Максимыч корпел над разгадыванием кроссворда, и конкретно над именем «автора теории относительности, восемь букв, на „Эй“ начинается, на „штейн“ кончается», Вадим никогда не потрясал в воздухе указательным пальцем и не кричал: «Да ты что, кретин, что ли? Это же Лоба-чев-ский!» – как однажды сделал Алексей Фомич.

Вадим Косинов произвел на приятелей впечатление, и прежде всего показался человеком не бедным, что было заметно по его дорогой одежде и наличию при нем новейшего ноутбука за три с половиной тысячи долларов. Так что ни Максим Максимыч, ни Микиша не поняли, с чего, собственно, их бывший одноклассник приехал в такую богом и людьми забытую глухомань, как Ровное.

А если уж говорить совсем откровенно, то оба не обрадовались, увидя здесь, в Ровном, Вадима Косинова. И на это у них были все основания. «Та-аких совпадений не бывает!» – изрек Микиша, который вообще был знатоком софистической премудрости и часто кидался изречениями из философии.

«Та-аких совпадений» действительно не бывает. А если и бывают, то крайне редко. А дело вот в чем. Накануне Микиша и Максим Максимыч ночевали в Волгограде, в квартире Кораблева. Проснувшись рано-рано утром – по старой воровской привычке, – они выглянули в окно и увидели... прекрасный автомобиль «Рено». Максим Максимыч питал слабость к французской автомобильной «кухне», так что судьба авточуда была решена. В утренних предрасветных сумерках автомобиль показался друзьям темно-серым, но при ближайшем рассмотрении он оказался глубокого зеленовато-синего, морской волны, цвета.

Работали слаженно. Мозг дуэта, Микиша, быстро распознал тип и особенности сигнализации, указал на ловушки типа добавочных мультилоков и блокираторов, а опытный практик Максим Максимыч примерно за пятнадцать минут при помощи нехитрых подручных средств справился с новейшей системой защиты, которая вообще-то считается патентованной и совершенно неприступной. Впрочем, склонный к афористичности Микиша по поводу последнего сразу сказал:

– Ничего. Измаил тоже считался неприступным.

Все было сделано так ловко и отточенно, что друзей не заметил никто. Ни одинокий дворник, сонно размахивающий метлой и явно пребывающий в сомнамбулическом состоянии жестокого похмелья. Ни собачница с мерзкой шавкой, при виде которой Максима Максимыча внутренне съежило от отвращения и ему вспомнились самые ужасные (по его собаконенавистническим понятиям) эпизоды фильма «Собака Баскервилей».

Номера сменили еще быстрее. И вскоре они лихо мчались по улицам сонного города, а еще спустя четверть часа, благополучно миновав КПП ГИБДД на выезде из города, «Рено» направился в Ровное.

– Сейчас посмотрим... – сказал Микиша, открывая и включая свой старенький ноутбук, купленный им за бесценок (явно ворованный!) на столичном рынке в Митине. – Интересно, кому принадлежит эта тачка?

– А тебе не один хрен? – спросил Максим Максимыч.

– Да нет... Просто она стояла в нашем дворе, значит, принадлежит кому-то из наших соседей.

– Или их гостей.

У Микиши была новенькая база ГИБДД, свежевыпеченная, как только что извлеченный из печки пирожок. Никифор Семеныч вообще хорошо плавал по волнам рынков незаконного сбыта подобной продукции. Он «пробил» по этой базе номера только что экспроприированной ими машины и раскрыл глаза:

– Макс!

– Что?

– Знаешь, кому принадлежит эта «реношка»?

– Только не говори, что следаку Грузинову.

– Да нет, слава богу, не ему. А принадлежит она нашему с тобой однокласснику, бывшему то есть, – Вадику Косинову! Он ее купил всего месяц назад.

– Косинову? У него же «девятка» старая.

– Ну и что! Он, верно, решил, что ему не следует ездить на отечественных одрах, вот и приобрел себе «Рено». Неплохо!

– Так ему и надо, умнику! – буркнул Максим Максимыч. – Сам покатайся – дай покататься ближнему...

– Люблю хорошо сказанное слово, – похвалил Микиша. – Только, наверное, не надо светить тачку в Ровном. Там хоть и одни пьянчуги, ну да все равно – тот же Антон Кузьмич, собутыльник твоего дядьки, по пьяной лавочке запросто настучать ментам может, если что.

– Отгоним машину на старую лесопилку, – сказал Максим Максимыч. – Там безопасно. Перебьем номера на движке и вообще... Этим займусь я, а ты найдешь покупателя.

– Идет, – согласился Микиша.

...Так что неудивительно, что они совсем не обрадовались, встретив в Ровном человека, который за несколько часов до того лишился – по их же милости – великолепного автомобиля. И они рассудили, что приезд Косинова в Ровное не может быть невероятной случайностью.

Спрятавшись в доме Алексея Фомича, парни ждали, что Косинов подъедет к их двору, а вместе с ним из машины, быть может, выйдет теплая компания: следак Грузинов, да еще пара ментов, да все с табельным оружием. Правда, доказательств, что именно они угнали «Рено», никаких, но Грузинов всегда вызывал Максима Максимыча и Микишу к себе в кабинет, если в их районе и окрестностях был произведен автоугон. В кабинете Максим Максимыч и Микиша клялись и божились, что завязали, что они ни при чем, и преимущественно это было правдой. Грузинов отпускал их, напоследок произнося сакраментальную фразу: «Главное – чтобы Костюмчик сидел!..»

И это ни на минуту не позволяло расслабиться. Так что теперь, увидев старую машину Косинова в Ровном, подельники обменялись хмурыми взглядами, словно говоря: «Ну вот, нарушили зарок – не трогать машины в своем районе... И теперь получите, Максим Максимыч, и вы, Никифор Семеныч...»

Однако Косинов проехал мимо их дома. Более того, поуспокоившись, Макс и Микиша пришли к выводу, что он и не мог знать об их присутствии в Ровном. Но приезд Косинова в Ровное оказался только началом злоключений Костюмчика и Микиши...

Алексей Фомич и Антон Кузьмич вернулись домой в состоянии, которое нельзя было даже определить подходящим термином, коих вообще-то великое множество имеется в русском языке. Алексей Фомич долгое время не мог протиснуть свое длинное тело в дверной проем, и не потому, что проем был мал, а просто стоило Алексею Фомичу поднять ногу, как сам он тут же перегибался вперед и начинал истерически хохотать.

Дядька Максима Максимыча Кораблева обладал карамельно-желтушными глазами, зеленой в крапинку физиономией и красным носом. Эта светофорная личина была еще и перекошена, а потому вызывала смутные ассоциации со старым, покосившимся и шербатым, строительным забором.

Антон Кузьмич, толстенький и очкастый, похожий на деградировавшего Лаврентия Павловича Берию, был не лучше. Пьян он был просто смертельно. Он отбрыкивался правой ногой от наседавшего на него невидимого существа, которое он изысканно именовал «Аррр... хипом». Звучное имя Архип носил любимый белогорячечный зеленый черт Антона Кузьмича, так что никто уже давно не удивлялся странным телодвижениям друга Алексея Фомича.

– Да ты м-мне... да я ка-кандидат словесности, вот привязался сын овечий! – бормотал раздраженно Антон Кузьмич.

Явление «дядек», как Максим Максимыч и Микиша именовали этот слаженный коллектив пропойц в составе двух единиц, вызвало у них смех и подтрунивание. Впрочем, недолгое. Максим Максимыч спросил у родственника ключ от сарая, запертого на огромный амбарный замок. Вот странность ума человеческого! Ведь только сегодня утром Максим Максимыч справился с замками и сложнейшей автосигнализацией, а теперь просил ключ от какого-то старого ржавого замка. Как будто не мог открыть так!

Алексей Фомич начал рыться по карманам. Его примеру неосознанно последовал Антон Кузьмич, закончивший прения с зеленым чертом примирением сторон. Из карманов обоих дядек сыпались хлам, пробки, какие-то тряпки, монеты достоинством в пять и десять копеек, а под конец из кармана Антона Кузьмича выпал паспорт. Костюмчик подобрал документ и хотел было отдать Антону Кузьмичу, но тут увидел, что его пальцы перепачканы в чем-то темном, оставляющем мутные бурые разводы. В крови!

Немедленно Кораблев вспомнил, что у дядьки нет и быть не могло российского паспорта, потому что для получения оно́го надо было выдержать всю процедуру обмена паспорта старого образца на новый, а это являлось для Кузьмича трудом ну совершенно непосильным. Макс открыл подмокший, перемазанный не только в крови, но и грязи документ и не без труда прочел: «Косинов Вадим Анатольевич».

Буквы были размыты, но не настолько, чтобы их нельзя было прочесть.

Максим Максимыч глянул на дядек и тихо спросил:

– Где взяли?

Антон Кузьмич пришел вдруг в ярость и, называя Кораблева Архипом, попытался отнять паспорт, именуя его «зачачкой».

– За такие зачачки сроки впаривают, – сказал Микиша.

– Эт-та... шутка! – почему-то обрадовался Антон Кузьмич.

– За такие шутки в зубах бывают промежутки, – парировал афористичный Микиша Хрущев.

– Так... – сурово повторил Максим Максимыч. – Ну-ка отвечайте быстро! Где взяли? А? Я вас спрашиваю!

Антон Кузьмич и Алексей Фомич, перебивая друг друга, принялись объяснять, сколько и почему купили в сельмаге бутылок портвейна. Пришлось прибегнуть к более жесткой методике снятия с дядек показаний, которую Максим Максимыч беззастенчиво позаимствовал у следака Грузинова. Метод сработал. Удалось установить, что дядьки пили у заброшенного стадиона «Темп».

Не сговариваясь, Максим Максимыч и Микиша ринулись туда. Их не смутил даже дождь. Изнутри жгла мысль: «Неужели эти пьяные обормоты убили Косинова?!» Ведь тогда могли всплыть не только детали убийства, но и... Одним словом, округу стали бы шерстить и запросто могли бы обнаружить угнанный «Рено», на который при иных обстоятельствах не наткнулись бы сроду.

У стадиона «Темп» внимание друзей сразу привлекла строительная плита, которая, казалось, парила в воздухе на высоте примерно полуметра, даже меньше. Причем «парила» как-то косо: один край приподнялся, а второй почти касался земли. С него бурным ручьем скатывалась дождевая вода.

Подойдя ближе, Максим Максимыч и Микиша поняли, что парение тут вовсе ни при чем: из-под плиты высовывались искореженные части того, что еще недавно именовалось автомобилем. Максим Максимыч и Микиша переглянулись, а потом Костюмчик глухо выругался и, присев на корточки, стал заглядывать под плиту.

Он вскрикнул и отстранился.

– Что? – спросил Микиша, подпрыгивая. – Что там?

– В-ва... В-вадик, – дрожащими непослушными губами выдавил Максим Максимыч.

Добавить к сказанному было нечего. Подтверждение первоначальному утверждению Кораблева нашлось быстро: под приподнятым краем плиты удалось разглядеть номер машины.

Номер той самой машины, на которой приехал сегодня в Ровное Вадим Косинов.

Максим Максимыч и его напарник переглянулись и, не сговариваясь, бросились бежать прочь от страшного места...

История получила широкий и чрезвычайно жестокий резонанс в прессе и на телевидении. Фотографии и репортажи с места ужасающего убийства, прецедентов которому не было в последние несколько лет, заполнили электронные и печатные СМИ. За всем этим как-то и не всплывала история угона косиновской машины. По крайней мере, так полагали Максим Максимыч и Микиша. Полагали они так ровно три дня, пока синхронно не получили повестки, обязывающие их явиться в следователю Грузинову, печально им знакомому. Каждого из друзей Грузинов уже сжал.

Вопреки обыкновению, допрашивал их Грузинов не по одному, а сразу, что называется, скопом.

– Об убийстве Косинова слышали? – задал следователь первый вопрос.

– Да, гражданин начальник.

– Он ваш бывший одноклассник и живет в соседнем доме с тобой, Кораблев?

– Ну что вы спрашиваете, если сами все знаете, – чуть обиженно ответил Максим Максимыч.

– Давно, кажется, ты не отдыхал у меня в камере, – сказал Грузинов. – Ладно. Не буду терять времени. В утро того дня, когда убили Косинова, была угнана его машина. Есть основания думать, что это сделали вы. Даю шанс рассказать все самим. Иначе за вас возьмутся другие. Видите ли, дело серьезное, и можно загреметь по полной. Можно пойти даже соучастниками убийства.

– А вы нас не пугайте, гражданин следователь, – сказал Максим Максимыч. – Мы уже пуганные. Тачку Косинова не мы ломали. Ошибочка вышла. А уж на «мокруху» мы отроду не ходили, вы сами знаете. Что ж нас обижать?

– Ладно, ладно, – чуть смягчив тон допроса, проговорил Грузинов. – Верно говоришь: «мокрыми» делами вы не занимаетесь, это точно. Но тут вот какое дело. В пять утра машина Косинова еще была на месте. Это подтвердили двое свидетелей. Угнали ее примерно в начале шестого, а позвонил хозяин и заявил об угоне в половине одиннадцатого утра. Теперь по вас. Соседка твоя, Кораблев, которая через стенку...

– Викулова, что ли? – насмешливо спросил Максим Максимыч.

– Викулова. Так вот, она утверждает, что слышала, как рано утром хлопнула ваша входная дверь. Слышимость в вашем закутке сам знаешь какая. Правда, Викулова отчетливо не сказала, во сколько именно хлопнула ваша дверь, но, что это было до семи утра, определено.

– Да что она понимает, гражданин следователь? Она себе нового мужика привела, эта проститутка, так мало ли что могло ей померещиться после веселой-то ночки.

– Кораблев!

– А что Кораблев? Я, гражданин следователь, между прочим, тоже человек и все давно испустил и загладил. Дверь хлопнула... Да мало ли что она хлопнула. Может, Микиша за пивом ходил. А может, к нам гости пришли.

– В пять утра?

– Почему именно в пять? И вообще... Может, мы девочек по вызову подтянули? Имеем право!

– Имеете, – кивнул Грузинов. – Только вот что я тебе скажу, Кораблев, и тебе, Хрущев. Машина эта угнанная – не простая, а золотая, как по сказке. В общем, скажу вам по старому знакомству: говорят, даже ФСБ подключается. Что-то такое в этом деле есть, какая-то загвоздка, из-за которой даже «контора» всполошилась. Понимаете? Убийство громкое, а накануне его еще и угон. Тут что угодно может случиться. Так что мой вам добрый совет: если есть что мне сказать, то говорите сейчас, иначе может быть поздно. Я ведь на самом деле неплохо к вам отношусь. Вы не отморозки, не скоты какие, а нормальные профессиональные угонщики...

– Бывшие! – пискляво встрял Микиша. – Бывшие, гражданин следователь!

– Ну, не будем заниматься формалистикой. Бывшие так бывшие. Только ведь и на старуху бывает проруха, верно ведь? Верно. Если тачку вы дернули, ребята, скажите сразу. Я вам не советую...

– Не пойму я вас, – перебил следователя Максим Максимыч, – то вы говорите, что нужно признаться, то, наоборот, – не советуete.

Грузинов стукнул кулаком по столу и рывкнул:

– Все ты прекрасно понял, Кораблев! Да, у меня нет доказательств, что «Рено» увели вы, но я нутром чувствую, что не обошлось тут без вас! Понятно? У меня на вас нюх, хороший такой нюх! И я знаю, что это ваша работа. Знаю, но пока не могу доказать. И у меня нет пока что оснований превратить задержание в арест, но я вас и не держу. Идите! Идите, если за собой ничего не числите. Но если «Рено» взяли вы, то скоро КПЗ покажется вам раем небесным. Не-ет, я вам не угрожаю. Я вообще вас пальцем не трону, я в стороне буду. Другие, другие заинтересуются! Просто если бы вы сейчас признались, я оформил бы вам явку с повинной, машина была бы возвращена... гм... родственникам покойного владельца, а вам зачлось бы содействие следствию... ну и получили бы по чуть-чуть.

– Но если мы не брали ее? Не брали!

– Будете говорить это, но уже не мне. Моя докладная записка пойдет наверх, а уж там распорядятся.

Микиша нерешительно скосил глаза на Максима Максимыча. Грузинов, опытный спец, перехватил этот предательский взгляд и плавно похлопал ладонью по столу. Его голос был вкрадчив:

– Может, у тебя, Хрущев, есть что добавить к сказанному выше? Или ты присоединяешься к словам Кораблева, что «Рено» вы не брали, и тем самым берешь на себя ответственность за неправду и возможные последствия? А-а... Никифор?

Микиша кашлянул. Максим Максимыч свирепо подтолкнул его в колено под столом: не смей!

– Ну, Никифор... – нажал голосом Грузинов.

– Мы не брали, – выговорил пискляво, как обычно, Микиша. – Нет... мы не брали «Рено», гражданин следователь.

– Да и что же мы, не люди, что ли, чтобы собственного одноклассника обворовывать? – облегченно произнес Костюмчик. – Мы и не знали, про какую машину «Рено» вы говорите. Мы, гражданин следователь, в самом деле завязали.

И Максим Максимыч «предъявил» следователю Грузинову невинный взгляд своих широко поставленных серых глаз.

– Хорошо, – после некоторой паузы отозвался тот, – очень хорошо. Только последний вопрос, Кораблев. Что во всей этой ситуации главное? Тебе известно?

– Так точно! – почти весело произнес Максим Максимыч. – Известно. Главное – чтобы Костюмчик сидел.

– Заучил. Но на этот раз ты немного ошибся, Кораблев. В данном случае костюмчик не будет сидеть. Ни в тюрьме, ни на тебе, Кораблев. В костюмчике в гроб кладут, а тебе могила может не светить. Пропадешь по методу сельхозудобрений: распылят по площади в несколько гектаров. Кстати, то же самое касается и тебя, Хрущев.

– Но, товарищ следователь, я...

– Ты что-то хотел сказать?

Микиша поник под двойным обстрелом взглядов: яростным – Максима Максимыча и пронизывающим, пытливым – Грузинова. Он заерзал на стуле и ответил:

– Да я так... ничего.

Грузинов откинулся назад и, не глядя на дружков, ровным голосом произнес:

– Ну так пошли вон. Оба. Если успеете позвонить и чистосердечно раскаяться, то честь вам и хвала. Если успеете...

Глава 4

– Любезный следователь, однако, – сказала я, заслушав братца до этого момента. – Что касается убийства Косинова, то я, конечно, о нем слышала. Дело в самом деле громкое, и, судя по ряду косвенных признаков, «глухарь» редкостный. Повиснет только так! Значит, ты полагаешь, Макс, что Грузинов хотел раскрутить тебя на чистосердечное из соображений улучшения графика раскрываемости?

– Нет, – глухо ответил тот. – Теперь я так не думаю.

– Понятно. Появились новые обстоятельства. Иначе бы вы оба сюда, в Тарасов, не явились так скоропостижно.

– Вот именно.

– И что же случилось? Наверное, вмешался тот самый Кашалот?

Микиша и Максим Максимыч одновременно вздрогнули.

– А ты откуда знаешь?

– Ну ведь вы сами его упоминали, – с некоторой досадой заметила я, – даже перебирали его клички. Не думаю, что вы делали это ради того, чтобы повеселить меня или самим повеселиться.

– Веселого мало, – буркнул Микиша.

– Да уж, веселого мало, – за ним повторил Максим Максимыч. – Микиша, наливай. Тут вот какое дело, Женька. В общем, когда мы приехали обратно в Ровное, нас там уже ожидали. Ожидали люди Кешолавы. О том, кто они такие, мы узнали не сразу. Хорошо еще, что они дядьку моего не застали дома. Тот пошел в гости к Антону Кузьмичу, а то время, какое он у Кузьмича гостит, удивительным образом с запоями совпадает. Так что он в гости меньше чем на неделю и не ходит. Первый раз в жизни запой оказался полезным для здоровья.

– Я, между прочим, предлагал не ездить в Ровное, а пойти ко мне, – сказал Микиша.

– Не бубни, а наливай. К тебе пойти... Наверняка нас ждали по всем адресам. Эта скотина Грузинов, наверное, не так просто предупреждал. Мне даже показалось, что он советует нам сознаться... м-м-м... из симпатии, что ли, – выдавил из себя Максим Максимыч. – Грузинов-то по-своему неплохой человек, хоть и гнида ментовская. И на зону он нас с Микишей конопатил только по делу.

– Это верно, – сказал Микиша. – Но все равно ты Грузинова не отбеливай. Ты его за одну фразу: «Главное – чтобы Костюмчик сидел!» – должен невзлюбить.

– А кто тебе сказал, что я к нему нежные чувства питаю? – огрызнулся Максим Максимыч. – Ничего подобного. Что я, дурак, что ли, или стукач ссученный?

– Мальчики, спокойно, – остановила я, – вы свою лагерную лексику приберегите для более подходящего случая. Или запишите на бумажечке и передайте кандидату словесности Антону Кузьмичу, раз уж он так любит ворошить пласты великого и могучего... Вы отвлеклись. Так что сказали вам люди Кешолавы?

– А ничего особенного они нам не сказали. Сначала отколошматили как следует, – мрачно сказал Максим Максимыч. – Технично так били, без следов.

– Только потом, когда мы уже трупами лежали, зашел какой-то тип и нежно так попросил: «А теперь перейдите в вертикальное положение, господа, и примите мои соболезнования и извинения за дурные манеры моих подчиненных. Даю слово, что с вами больше не будут обращаться подобным образом, если вы скажете, куда вы отогнали машину Вадима Косинова». Такой учтивый, сволочь... – отозвался Микиша.

– Очень учтивый гад, – мрачно подтвердил Максим Максимыч. – А уж люди его... В общем, нам было сказано, что если мы не признаемся, куда делась косиновская машина –

«Рено», а не та, которую раздавило, конечно, – то нам все, кранты. Мол, Кешолава из нас собственноручно сделает бифштекс, а у него в этом деле большие навыки и наработки имеются.

– Честно говоря, мне пока что непонятно, чего они к той машине привязались, – сказала я. – Но, наверное, это можно прояснить. Только вряд ли Кешолаве нужна сама машина. Вероятно, в ней находится что-то важное, если они так всполошились.

– Ага! Вот и мы то же самое подумали. Что в этой машине находится то, что нужно Кашалоту.

– Что было дальше?

– А что дальше? Больше особых событий, так сказать, не происходило, – сказал Микиша. – Нас посадили в подвал и сказали, что зайдут за нами через три дня, выразив надежду, что к тому времени мы станем поговорчивее.

– А мы сбежали, – добавил Максим Максимыч. – Домой нам возвращаться, конечно, нельзя, так что мы вот...

– И приехали сюда, – подхватил Микиша, – чтобы...

– Чтобы ты нам помогла, – упавшим голосом закончил Кораблев. – Микиша, наливай.

– Микиша, выливай! – буркнула я. – Хватит вам уже. Алкоголь крайне пагубно действует на здоровье. Хотя, с другой стороны, говорят, кто не курит и не пьет, тот здоровеньким помрет. В вашем случае это не особенно актуально, правда, здоровенькими вам помереть не дадут. А как же вам удалось сбежать-то? Ведь если Кашалоту так важно найти машину Косинова, то он наверняка приставил к вам почетный караул.

– Это верно. Только они зря нас в подвал сажали. Он у дядьки с секретом, – сказал Максим Максимыч. – Еще когда была жива тетя Катя, дядькина жена, то она загоняла пьяного дядьку в подвал. Чтобы охолонул он, остыл немножко, протрезвел. Дядька по нескольку дней там, в подвале, сидел, а чтобы не скучно было, рыл подкоп. Прямо как граф Монте-Кристо. И вырыл целую галерею с выходом на задний двор. Он через этот подкоп удирал, напивался у Антона Кузьмича и обратно приползал, когда тетя Катя должна была его из подвала доставать. Вот она удивлялась: закрывает мужика в таком месте, где гарантированно ни одной капли спиртного нет, а потом открывает – он там пьяный в коромысло. И так она удивлялась всему этому, что однажды получила инфаркт и померла.

– Затеяник твой дядька, – мрачно сказала я. – Так, значит, он все эти дни бухал у Антона Кузьмича?

– Да он, наверно, и сейчас там бухает, – сказал братец. – У них, так сказать, долгоиграющие проекты. Если сели пить, то уж до полной несознанки.

– Азиатская сторона! – поддакнул Микиша цитатой из классика.

– Ну, мальчишки, все это, конечно, интересно, но я, честно говоря, не понимаю, как вам помочь в вашей истории. На жительство у себя я вас определить не могу, вы и сами это понимаете... Разве что помочь вам снять квартиру? Но... Я ведь так понимаю, денег-то у вас ни копейки.

– Нет, ну это какой-то гнилой вещизм и меркантилизм! – возмутился Максим Максимыч. – Какие деньги, если нас едва не убили! Ты, родная сестра, такое мне говоришь!

– Ну, во-первых, неродная. Родная – это когда общие и отец, и мать. А когда по отцу – то это называется единокровные.

– А по матери?

– А по матери – единоутробные. Но матери у нас с тобой разные. К тому же мне совершенно непонятно, почему я должна питать к тебе пылкие родственные чувства. О твоём существовании, любезный Максим Максимыч, я узнала вот только сегодня из твоего возмутительного письма. А потом и ты сам пожаловал по принципу «лучший мой подарочек – это я!». А мне такие визиты не нравятся. Влипли вы, конечно, капитально, но вполне заслуженно.

– Заслуженно? – побагровел Максим Максимыч. – Да мы же... да нас же... мы – пострадали!

– Ах вы, несчастненькие мои! Исполать вам, страдальцы, как сказала бы сердобольная настоятельница монастыря, встречающая странствующих героев-соколов. Ишь, «пострадали» они! Кто вас просил угонять машину этого Косинова? Может, это был голос совести? Вот к ней и обращайтесь! Угонщики... Деточкины мне нашлись...

Максим Максимыч потупился. В его лице промелькнуло что-то детское, и мне стало его жалко. Вот проклятое русское качество – всех жалеть! Да происходи все дело в Америке, добропорядочная американка на моем месте не только не стала бы жалеть и, боже упаси, помогать родственничку с приятелем, а направилась бы в полицию, сообщила о них, а потом получила бы благодарность от копов. И была бы уверена, что облагодетельствовала нацию, посодествовав в задержании опасных преступников. О родстве она даже и не вспомнила бы.

– Значит, так, – сказала я. – Сниму вам квартирку, сидите в ней и никуда носа не высывайте. Потом посмотрим, что с вами делать дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.